

Василий Гроссман заменил мне расстрелянного в 1937 году отца, рядом с писателем я прожил почти 30 лет, вплоть до его смерти в 1964 году.

Разбирая архив моей матери Ольги Михайловны Губер, вдовы В. Гроссмана, я обнаружил два письма, принадлежащих перу писателя. Они адресованы матери Василия Гроссмана, Екатерине Савельевне, расстрелянной фашистами в 1941 году. Но написаны они через девять и двадцать лет после ее гибели.

Нежная, светлая любовь связывала Василия Гроссмана с матерью; они многие годы жили отдельно, мучительно переживая разлуку. Свидетельство — письма Екатерины Савельевны, которые Гроссман бережно хранил.

В декабре 1940 года Екатерина Савельевна пишет сыну:

«Дорогой сыночек, вот тебе и 35 годов стукнуло. А все живо в памяти от дня твоего рождения 905 г. и до сих пор, как будто день прошел. Что нам повторяться — жизнь как на ладони; а как много пережито, не только прожито. Будь здоров, апаша mia, талантлив, доволен своей работой (и чтоб и читатели были довольны ею, и критики); со всеми твоими близкими тебе будь благополучен... Отправила тебе посылочку... А посылочка была 1) Серебряная чайная ложечка, что от тети Даси я получила; попадетса тебе, как будешь чай пить — вспомнишь меня; пусть не пропадет — жалко будет. 2) Подстаканник, не серебряный, не бойся, я не трогалась много, но хорошенекый — по-моему. И на письменный стол — тигренок... Вот и все, дытына. И всю мою любовь тебе посылаю. А засим целую тебя в глаза, лоб, волосы и в мордочку. Мама».

Приближалась война. В сохранившемся письме, датированном 9.04.41 года, Екатерина Савельевна пишет:

«...Васенька, пришибло меня, что Сербию втянули в войну. Говорю тебе откровенно, мне очень жаль сербов, но еще больше я боюсь, чтобы нас не втянули; пуще всего боюсь войны...»

Наступило 22 июня 1941 года. Екатерина Савельевна пишет сыну:

«...Ночь прошла благополучно. Утром была тревога, но после был отбой. А дальше — никто ведь не знает...» (26.06.41).

«...письма ни одного. Очень беспокоюсь: в Москве ли ты, не уехал ли куда. Я пишу часто, получаешь ли? И папе написала письмо. Живу теперь спокойнее, чем в первые дни — привыкаешь. Встаю в 6 ч. утра; в 7 час. слушаю утреннюю сводку по радио; и весь день — то радио, то газеты. Живу на вулкане...» (29.06.41).

«...Дорогой сыночек, получила сегодня твою телеграмму. Придет кто-нибудь, буду тебе телеграфировать, хотя пишу ежедневно почти... Писала тебе со слов Тины Владим., что Катя (дочь В. Гроссмана. — Ф. Г.) в лагере — пока, а дальше, не знаю как. Живу как все, мой дорогой: дышу последними сводками, читаю газеты, сильно волнуюсь иногда... Целую тебя, сыночек. Мама. Привет Люсе (О. М. Губер) и папе (С. О. Гроссман. — Ф. Г.)» (1.07.41).

Через несколько дней в Бердичев ворвались фашисты. Екатерина Савельевна оказалась в гетто и вместе с другими его обитателями была расстреляна в сентябре 1941 года. Я уверен, что прототипом матери Штрума, также погибшей в гетто (роман «Жизнь и судьба»), была Екатерина Савельевна. Тому есть немало доказательств.

Женщина, случайно спасаясь из бердичевского гетто (так же, как Аля в романе «Жизнь и судьба»), рассказывала, что первое время Екатерина Савельевна жила у доктора Вурварга, а потом перешла к Рубинчик, где жила до своего печального конца. За несколько дней до гибели Екатерина Савельевна читала «Войну и мир» с детьми Вурварга на французском языке. Мать Штрума в «Жизни и судьбе» взяла с собой в гетто, вместе с письмами сына и фотографиями, томик Пушкина, «Письма с моей гильницы» А. Доде и томик Мопассана на французском языке. В одном из писем Екатерины Савельевны упоминается собака Тобик, описанная в письме матери Штрума в романе «Жизнь и судьба».

Писем больше не было. Последнее, предсмертное, письмо матери родилось в сердце писателя и было написано в романе «Жизнь и судьба»:

«...я заканчиваю свое письмо и отнесу его к ограде гетто и передам своему другу. Это письмо нелегко оборвать, оно — мой последний разговор с тобой, и, переправив письмо, я окончательно ухожу от тебя, ты уже никогда не узнаешь о последних моих часах. Это наше самое последнее расставание. Что скажу я те-

бе, прощаясь, перед вечной разлукой? В эти дни, как и всю жизнь, ты был моей радостью. По ночам я вспоминала тебя, твою детскую одежду, твои первые книжки, вспоминала твое первое письмо, первый школьный день, все, все вспоминала от первых дней твоей жизни до последней весточки от тебя, телеграммы, полученной 30 июня. Я закрывала глаза, и мне казалось — ты заслонил меня от надвигающегося ужаса, мой друг. А когда я вспоминала, что происходит вокруг, я радовалась, что ты не возле меня — пусть ужасная судьба минет тебя.

Витя, я всегда была одинока. В бессонные ночи я плакала от тоски. Ведь никто не знал этого. Моим утешением была мысль о том, что я расскажу тебе о сво-

смерти зимой 1944 года. Приехал в Бердичев, вошел в дом, в котором ты жила и из которого ушли тетя Анюта, дядя Давид и Наташа, и понял, что тебя нет в живых. Но еще в сентябре 1941 года я чувствовал сердцем, что тебя нет. Ночью, на фронте я видел сон — вошел в комнату, ясно зная, что это твоя комната, и увидел пустое кресло, ясно зная, что ты в нем спала: свешивался с кресла платок, которым ты прикрывала ноги. Я смотрел на это пустое кресло долго, а когда проснулся, знал, что тебя уже нет на земле. Но я не знал, какой ужасной смертью умерла Ты, об этом я узнал, приехав в Бердичев и расспросив людей, знавших о массовой казни, про-

Я писал тебе 10 лет тому назад, и в моем сердце ты такая же, как была двадцать лет назад. И десять лет назад, когда я писал тебе свое первое после твоей смерти письмо, ты была такой же, как при жизни своей — моей матерью во плоти и в сердце моем. Я — это ты, моя родная. И пока живу я — жива ты. А когда я умру, ты будешь жить в той книге, которую я посвятил тебе и судьба которой схожа с твоей судьбой.

За эти двадцать лет много людей, которые любили тебя, уже умерли, тебя уже нет в сердце папы, в сердце Нади, тети Лизы — их нет на земле.

И мне кажется, что моя любовь к тебе все больше, ответственней, потому что так мало живых сердец, в которых живешь ты. Я почти все время думаю о тебе, работая последние десять лет, — это моя работа посвящена моей любви, преданности людям, потому она и отдана тебе. Ты для меня человеческая, и твоя страшная судьба — это судьба, участь человека в нечеловеческое время.

Я всю жизнь храню веру, что все мое хорошее, честное, доброе, моя любовь — это все от тебя. Все плохое, что есть во мне, не прощай мне, это не ты. Но ты любишь меня, мама моя, и со всем плохим, что есть во мне, любишь.

Сегодня, как уже долгие годы, я перечитываю несколько твоих писем ко мне, сохранившихся из тех сотен и сотен, полученных мною от тебя, перечитываю твои письма к папе.

И сегодня я снова плакал, читая твои письма. Я плакал, когда ты пишешь: «И еще, Зема, я считаю себя не долговечной, так и жду, что из-за угла подкрадется, а вдруг буду болеть тяжело и долго, что мой бедный мальчик будет делать со мною, сколько горя наберется».

Я плачу, когда ты, одинокая и счи-

ПИСЬМА МАТЕРИ. ПИСЬМА К МАТЕРИ...

ей жизни. Расскажу, почему мы разошлись с твоим папой, почему такие долгие годы я жила одна... моя судьба закончить жизнь одиноко, не поделившись с тобой. Иногда мне казалось, что я не должна жить вдаль от тебя, слишком я тебя любила, думала, что любовь дает мне право быть с тобой на старости. Иногда мне казалось, что я не должна жить вместе с тобой, слишком я тебя любила... Как закончить мне письмо? Где взять силы, сыночек? Есть ли человеческие слова, способные выразить мою любовь к тебе? Целую тебя, твои глаза, твой лоб, волосы.

Помни, что всегда в дни счастья и в день горя материнская любовь с тобой, ее никто не в силах убить.

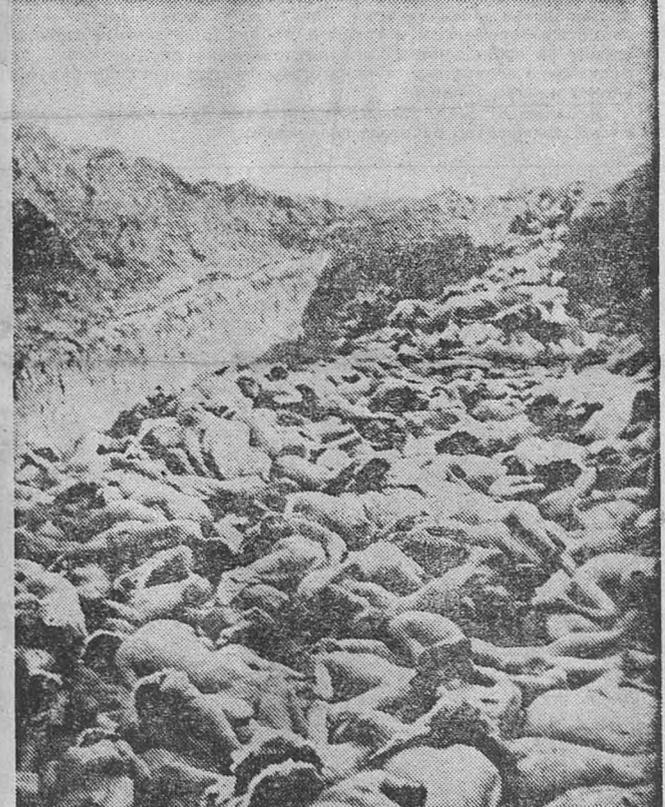
изошедшей 15 сентября 1941 года.

Я десятки, а может быть сотни раз пытался представить себе, как ты умерла, как шла на смерть, старался представить человека, который убил тебя. Он был последним, кто тебя видел. Я знаю, что ты думала обо мне очень много, все это время.

Теперь уже больше девяти лет, как я не пишу тебе писем, не рассказываю тебе о своей жизни, делах. И за эти девять лет накопилось столько в моей душе, что я решил написать тебе, рассказать и, конечно, пожаловаться, так как никому по существу нет дела до моих печалей, только тебе одной было до них дело.



● В. Гроссман с матерью.



● Расстрелянные узники гетто.

Витенька... Вот и последняя строка последнего маминго письма к тебе. Живи, живи, живи вечно... Мама». («Октябрь», № 1, 1988).

Василий Гроссман не знал о судьбе матери, искал ее. Центральное справочное бюро, находившееся тогда в Бугуруслане, пишет писателю: «На Ваш запрос Центрального Справочного Бюро сообщает, что сведения о местонахождении гр. Гроссман Е. С. еще не получены. Ваш запрос принят нами на контроль, и по полученным сведениям адрес разыскиваемых Вами лиц сообщим дополнительно. В случае изменения Вашего адреса просим нас уведомить. При переписке с нами обязательно ссылайтесь на наше письмо № Т-017597. 7.04.1942 г.».

В 1944 году Василий Гроссман узнал о гибели матери. Через годы, как бы в ответ на письмо матери, написанное в романе, он пишет два письма к ней. Рядом с письмами в конверт он положил фотоснимок рва, заполненного телами расстрелянных обитателей гетто. Фото сделано фашистским подполковником Эйбером, командиром батальона 1-й гвардейской саперной особой бригады.

Вот эти письма.
«Дорогая мамочка, я узнал о твоей

Я буду с тобой откровенен и расскажу тебе все так, как чувствую, но, может быть, это не будет вся правда обо мне, так как я ведь не чувствую только правду, а многое, наверное, есть в моих чувствах ложного и пустого. Но прежде всего я хочу сказать тебе, что за эти девять лет я смог по-настоящему проверить, что люблю тебя — так как ни на йоту не уменьшилось мое чувство к тебе, я не забываю тебя, не успокаиваюсь, не утешаюсь, время не лечит меня. Я тебя сегодня ощущаю такой же живой, какой ты была в тот день, когда мы виделись с тобой в последний раз, и такой же, когда я маленьким мальчиком слушал твои чтения вслух. И боль моя такая же, как была в тот день, когда думала, живущая на Училищной улице, мне сказала, что тебя нет уже и что нет надежды найти тебя среди живых. И я думаю, мне кажется, что моя любовь и это горе ужасное так уж и не изменятся до дня моего конца». 1950 г.

«Дорогая моя, вот прошло 20 лет со дня твоей смерти. Я люблю тебя, я помню тебя каждый день своей жизни, и горе мое все эти 20 лет вместе с мной неотступно.

тавшая единственным светом своим жизнь под одной крышей со мной, пишешь папе:

«...мне кажется, здраво рассуждая, что если б у Васи оказалась лишняя площадь, то ты должен поселиться с ним. Я тебе повторяю, так как теперь то мне не плохо. А о моей духовной жизни не беспокойся: я умею охранять свой внутренний мир от окружающего».

Я плачу над письмами — потому что в них ты — твоя доброта, чистота, твоя горькая, горькая жизнь, твоя справедливость, благородство, твоя любовь ко мне, твоя забота о людях, твой чудный ум.

Я ничего не боюсь, потому что твоя любовь со мной и потому что моя любовь вечно с тобой». 1961 год.

Василий Гроссман писал свое второе письмо после ареста романа «Жизнь и судьба», который он, как ясно из письма, решил посвятить матери. Но писатель не мог написать посвящение матери на первой странице рукописи или машинописного текста романа — все было изъято. Мы должны выполнить волю писателя.

Федор ГУБЕР.
Фото из архива В. Гроссмана.